

Дети империи

Автор:

Иван Иванов

Дети империи

Иван Олегович Иванов

Проза XXI века

Дебютный роман Ивана Иванова «Дети империи» можно смело назвать успешной премьерой. Не зря автор сам определил жанр своего произведения как кинороман: здесь есть все составляющие кассового фильма – динамичный, интригующий сюжет, экзотическая картинка, харизматичные герои и, конечно, роковая женщина. В центре повествования – три товарища, три выпускника престижного советского вуза, влюблённые в одну девушку. Ошибки юности разведут их по разным частям света, но судьба в итоге соединит их на Африканском континенте, где кто-то найдёт свою любовь, а кто-то – свой конец.

Кинороман Ивана Иванова читается на одном дыхании, как смотрится сегодня захватывающий триллер или очередной эпизод любимого сериала. Именно такой должна быть проза XXI века.

Иван Иванов

Дети империи

Посвящаю моей семье Любе, Ольге и Олегу

Я глубоко благодарен первому, самому внимательному и вдумчивому читателю рукописи писателю и журналисту Андрею Полякову за ценные советы,

известному писателю и журналисту Владимиру Корочанцеву, научившему меня бережному отношению к слову, африканисту и замечательному футбольному аналитику Григорию Потапову, который не раз приходил мне на помощь в самых жестких ситуациях, великолепному журналисту и управленцу высочайшего уровня Андрею Шторху за воплощение моей мечты и брату Павлу, создавшему идеальные условия для работы над книгой.

Кинороман

© Иванов И.О., 2019

© Оформление. ИПО «У Никитских ворот», 2019

Глава 1

Fortes fortuna adguvat

Фортуна любит дерзких

Москва, 1980 год

Они лежали в широкой родительской постели в Светиной квартире, окнами выходящей на Патриаршие пруды. Эту квартиру получил ещё дедушка Светланы – трёхзвёздный генерал, член ЦК. Дмитрий нежно гладил разметавшиеся по подушке рыжие волосы. Солнце освещало огромную спальню, и кожа Светы отливала золотом на белоснежных простынях. Только что оба окончили институты. Он – стран Азии и Африки при МГУ, она – Иняз.

Её родители уехали на дачу. Ровно через неделю была назначена их свадьба. Впрочем, и мама Светы, и её отец, карьерный дипломат в ранге посла по особым поручениям, были против этой женитьбы.

– Ты глаза-то открой хорошенько, – выговаривала дочке Нина Петровна, – он ведь ни одной юбки не пропустит, твой разлюбезный Митя. Только и взял, что чёрными кудрями. Ну, любуйся на своего чернобрового, черноокого, а он тем временем будет бегать налево и направо. К чему тебе такой муж? Да ещё будущий журналист. Заматается по свету, на семью вообще времени не останется. То ли дело его друг, Николай. Вот уж парень положительный, ничего не скажешь. Он и постарше, да и берут его не в какую-нибудь редакцию, а в МИД.

К вечеру Светлана и Дмитрий вышли на улицу. В Москве полным ходом шла Олимпиада. Приезжих в город не пускали, магазины ломились от товаров и продуктов, а по улицам неторопливо и степенно бродили москвичи, слегка ошалевшие от впервые свалившегося на них всемирного праздника.

Молодые брели по прогретым за день кривым улочкам и переулкам московского центра, крепко держась за руки. Дмитрию будущее казалось беззаботным и безоблачным, но Света отчего-то хмурилась. Из открытого окна второго этажа старого кирпичного дома с лепниной, к которому они подходили, донёлся меланхоличный голос Джо Дассена.

– Знаешь, как называется эта мелодия? – спросил Дмитрий, чтобы хоть чем-то отвлечь подругу от невесёлых мыслей.

– Думаешь, уже по-французски понимать разучилась? – с иронией отозвалась Света вопросом на вопрос. – «Индийское лето», то есть по-нашему – бабье. Кто ж эту песню не знает. Давай чуть постоим. Просто балдею от голоса и, особенно, от соло трубы. Вот сейчас будет. Та-ра-ра-ра-ра-ра-ра...

Света прикрыла глаза и закружилась, будто в вальсе.

– Звуки прямо неземные, – мечтательно прошептала она. – Кажется, так и зовут куда-то в дальние, прекрасные страны.

– Вот и не знаешь, – обрадовался Дмитрий, мотнув густыми кудрями. – Это она, когда стала песней, превратилась в индийское лето. А до того, когда была ещё только мелодией, композитор... Чёрт, как же его... Итальянская такая фамилия... Да нет, не Челентано. Ну, неважно. В общем, он её назвал «Африка».

– Надо же. – Света остановилась и открыла глаза. – Никогда бы не подумала. Африка... Вроде непохоже. Какая там красота может быть? Нищета одна. Хотя, помнишь, в книжке Паустовского, которую я тебе давала? В самом конце, где его письма? Ну, там цитируются строчки какого-то нашего дореволюционного поэта. Декадента, конечно. «Послушай: далёко, далёко, на озере Чад изысканный бродит жираф». Не помнишь? Я его фамилию, как и ты своего композитора, забыла, а эта красивая строчка сразу запала. Намертво.

На следующий день была пятница, а это значило, что Дмитрий, как обычно, играл в преферанс со студенческими друзьями – Олегом и Николаем. Расписывали «Ленинград» без бомб, по пять копеек за вист. Ему по традиции отчаянно везло. Сыграли восемь пик, затем мизер. «Пуля» была закрыта. Выигрыш составил почти сорок рублей.

«Считай, целая стипендия», – удовлетворённо подумал Дмитрий. И, засовывая деньги в только что купленный кошелек с тиснёной олимпийской символикой, невольно ухмыльнулся.

– Смотри, Митрич, везёт в карты, не повезёт в любви, – чуть заметно вздохнув, привычно напомнил другу Николай. Широкоплечий, рассудительный, с пышной пшеничной шевелюрой и такими же представительными усами, он был старшим в компании. В Институт Азии и Африки поступил с рабфака, уже отслужив в армии, тогда как и Дмитрий, и Олег оказались там со школьной скамьи. Круглый отличник, обстоятельно учивший все предметы, он получил распределение в МИД – самое престижное.

Несмотря на дружбу, троица состояла из соперников. Все они были, что называется, по уши влюблены в Светлану. Других девушек в их компании хватало, но только к Свете относились серьёзно. Её не брали на шумные кутежи, где коньяком и шампанским угощали девиц попроще. Впрочем, несмотря на нежные чувства, от секса с другими девушками, при оказии, никто из троицы не отказывался. Иногда друзья менялись партнёрами, ощущая себя людьми раскрепощёнными и современными, идущими в ногу с XX веком. Вроде героев романов Гарольда Роббинса, зачитанных до дыр студентами московских языковых вузов.

Поздно вечером Дмитрий отправился к себе, в сталинку, стоявшую в начале Ленинского проспекта. Вообще-то, он жил там с бабушкой, но летом она предпочитала шумной Москве дачу. Домик располагался совсем неподалёку от

Москвы, поэтому она частенько наведывалась домой. Кому-то же надо было присматривать за внуком? Родители работали тогда в Польше.

Чтобы без проблем добраться до дома, Дмитрий взял такси. На подъезде к проспекту он попросил водителя остановиться, расплатился и вышел. Остаток пути захотелось пройти пешком. Стояла бархатная июльская ночь. Из Нескучного сада доносился сладкий аромат летних цветов. Дмитрий невольно раскинул руки и глубоко вдохнул. И тут он увидел Ольгу свою одноклассницу увлечение детства. Эффектная блондинка с шикарными формами и озорными васильковыми глазами брела в одиночестве, цокая по асфальту тонкими каблучками.

Ольга с размаху бросилась Дмитрию на шею, крепко прижавшись большой, упругой грудью к его спортивному телу, накачанному на занятиях в секции только начинавшего входить в моду карате.

– Митька, привет, сколько же мы не виделись?

– Олька, здравствуй, откуда ты свалилась, ночью, одна, без охраны? – позабыв обо всём, засуетился он. – Что же мы стоим? Давай зайдём ко мне. Это рядом. Буквально в двух шагах.

Ольга и не думала противиться. Потягивая болгарское сухое вино и закусывая азербайджанскими маслинами, они проговорили полночи, вспоминая детскую влюблённость и общих знакомых.

– Я останусь у тебя? – предложила Ольга скорее утвердительно, чем вопросительно.

– Конечно, уже поздно, – с готовностью согласился он, не спуская глаз с её соблазнительно колыхавшегося бюста и чувствуя, как по телу разливается неукротимая волна вожделения.

Он взял её за руку и повёл в спальню. На пороге она остановилась, потянула к себе и, погрузив ладони в чёрные кудри, припала к губам долгим, влажным поцелуем.

Они судорожно, как попало, скинули одежду и бросились в постель. Сон сморил любовников только на рассвете. Они уснули опустошённые, обнявшись.

Утром раздался звонок в дверь. В спальне было темно – сквозь плотно задёрнутые толстые шторы не пробивался ни единый лучик солнца. С трудом продрав глаза, Дмитрий неловко накинул халат и поплёлся открывать, даже не давая себе труда подумать о том, кто бы это мог заявиться. Щёлкнул замок, дверь отворилась. На пороге стояла бодрая, сияющая Светлана.

– Митя, если бы ты знал, как я соскучилась, так хочется быть с тобой, – радостно приветствовала она похолодевшего жениха.

Упругой походкой хорошо выспавшегося человека девушка прошла в гостиную. И обомлела, взглянув на журнальный столик. На нём вальяжно разлёгся просторный белый бюстгальтер.

– Ты? Ты! – Света что есть силы вlepила звонкую оплеуху и всхлипнула. – Ты хоть понимаешь, гад, что ты наделал? Скотина! Животное!

И уже на лестничной клетке, прежде чем оглушительно хлопнуть дверью, крикнула вполоборота:

– Никакой свадьбы не будет! Даже думать не смей! Ненавижу!

Дмитрий стоял безмолвно, словно всё ещё во сне, машинально потирая горящую щёку.

«Как в кино, как в бездарном, дурацком кино, – тупо подумал он. И только теперь спохватился. – Как же я мог её предать? В самом деле, гад я последний, кретин, придурок», – пунктиром неслось в голове позднее раскаяние.

Великие планы шли прахом. Вечером Дмитрию стало плохо. Поднялась температура. Не вставая с дивана, посеревший и понурый, он позвонил Николаю и бесцветным голосом попросил сообщить приглашённым, что бракосочетание переносится на неопределённый срок. А через месяц узнал, что Света и Николай поженились и уехали работать в посольство в Брюсселе.

Дмитрий даже не очень удивился и внешне не сильно расстроился. Казалось, за время болезни он успел до дна израсходовать весь запас боли и горечи.

– Сам виноват, – корил он себя, – надо было хоть чуть-чуть головой соображать. Хоть самую малость. Поделом тебе. Что толку теперь кулаками размахивать. Поздно пить «Боржоми», когда почки отвалились.

Беда не приходит одна. В серьёзную передрыгу угодила Олег. Вот уж кто не заслужил. Погорел, можно сказать, ни на чём. На каких-то паршивых шмотках.

По сравнению с друзьями Олег выглядел хлюпиком. Тоненький, интеллигентный, невысокого роста, он обращал на себя внимание разве что круглыми очками без оправы, придававшими сходство с Джоном Ленноном.

Но одевался Олег всегда модно. Правда, тем злополучным летом всё у него как-то разом поизносилось. Обновлять гардероб он решил с джинсового костюма. Фирменного, разумеется. Какие проблемы? У потрёпанного барыги с кавказским акцентом купил с рук 200 чеков Внешторгбанка, в «Берёзке» на Профсоюзной подобрал штаны и куртку по размеру и направился платить в кассу Тут-то и случилось непоправимое. Кассир принялась пристально рассматривать бумажки, а потом появились охранники. Олега скрутили и доставили в ближайшее отделение милиции. Там он узнал, что чеки ему всучили фальшивые.

В КПЗ Олег провёл три постыдных дня. Только после того, как родители поговорили с дедом Светланы, дело замяли, но на трудовой биографии выпускника престижного института можно было ставить жирный крест.

Когда Дмитрий зашёл, чтобы хоть чем-то утешить, Олег показался ему ещё тоньше и меньше ростом. Под глазами висели мешки, а стёкла очков испещрили трещины, наскоро заклеенные скотчем.

– Когда охранники в «Берёзке» заломали, свалились, вот, и я на них случайно наступил, – словно оправдываясь, виновато пояснил Олег.

– И как же ты теперь? – тревожно спросил Дмитрий.

– Да ничего, я уже заказал новые, – словно не поняв, ответил страдалец.

– Твою мать, да не об этом я, – рассердился Дмитрий.

– А-а, – дошло наконец до Олега. – Ну, чего, придётся каким-то образом сваливать из Союза. А как ещё? Работать по специальности всё равно не дадут. Дворником разве. А потом, лет через «-дцать», если повезёт, можно будет устроиться младшим корректором в какую-нибудь задницу, типа издательства профсоюзов дубильно-дебильной промышленности.

– Не смешно, – угрюмо отрезал Дмитрий.

– Зато верно, – в тон ответил Олег. Он поднял наконец глаза и добавил: – Слушай, ты мне пока не звони, это может выйти тебе боком.

Дмитрий обнял друга. Из всей троицы он оставался один. Они вышли на балкон, вынули сигареты и закурили термоядерный кубинский «Легерос». И долго молча стояли рядом, прощаясь навсегда.

На этом крутые перемены не закончились. Прошло всего несколько дней, и стряслось событие, перевернувшее жизнь Дмитрия. Вечером, когда он уже пришёл из редакции общесоюзной газеты, куда его взяли на работу, раздался телефонный звонок. Слышимость была идеальная, словно говорили из соседней комнаты. Приятный баритон, представившийся Валерием Сергеевичем, вежливым, но не предполагающим отказа тоном пригласил на следующий день с утра посетить здание КГБ на площади Дзержинского.

У входа дежурный охранник долго вертел паспорт. Поднявшись на второй этаж, Дмитрий нашёл комнату 243, её номер он запомнил на всю жизнь, и постучал. В комнате ничего не было, кроме массивного дубового письменного стола и пары стульев.

– У нас к вам предложение, – поднялся ему навстречу человек средних лет в щегольском костюме и с непропорционально большой, лысеющей головой. – Впрочем, садитесь.

– Вы можете принести пользу стране, работая у нас, – продолжил он после того, как подробно расспросил Дмитрия об увлечениях, планах, друзьях. – Не отвечайте сразу. Подумайте. Я выпишу вам направление в поликлинику. Если решите работать у нас, просто пройдите медкомиссию.

– Но я хочу быть журналистом, ещё думаю писать диссертацию, – попытался сопротивляться Дмитрий.

– А кто вам сказал, что вы не будете журналистом, а в придачу и кандидатом наук? – в первый раз за весь разговор улыбнулся Валерий Сергеевич.

Глава 2

Виндхук (Намибия), 2007 год

В клубе «Уайт элфант» было темно и прохладно. Какой контраст с жестоко опалемыми полуденным тропическим солнцем улицами города. Впрочем, на них тоже не было безлюдно. Проносились новые и старые, в основном немецкие, автомобили, куда-то спешила пёстрая толпа африканцев и европейцев, зазывно кричали разносчики газет и всякого дешёвого хлама.

Светлана сидела в кожаном кресле в глубине зала. Из динамиков раздавался любимый голос Джо Дассена: «Салют, это снова я». Хозяин – барин. В своём клубе, по крайней мере днём, она могла крутить, что хотела.

Упитанный бармен-африканец в жилетке и бабочке по двадцатому разу тщательно протирал бокалы за стойкой, у которой сидели всего три клиента. Время ещё не пришло. Вот вечером здесь будет не протолкнуться. Ритмично зазвучат барабаны-опанго, на небольшую сцену выйдут чёрные танцовщицы – рослые, гибкие, пластичные. Клуб заполнят европейцы, живущие и работающие в Намибии: американские нефтяники из «Экссон-Мобил», ведущие разведку на нефть и газ на прибрежном шельфе, менеджеры западных компаний, владельцы обширных ферм, служащие международных организаций, туристы.

Всех их Светлана хорошо знала. Этот островок западного мира в огромной, богатой минералами и не очень-то населённой стране достался Светлане от второго мужа – Бернара, сгинувшего полгода назад в Демократической Республике Конго – бывшем Заире, охваченном постоянной гражданской войной. Супруг был африканером, то есть буром. Потомком голландских переселенцев, которые лет триста назад заселили самый юг Чёрного континента, а потом стали

продвигаться на север.

В Намибии у Бернара была ферма, большая вилла и «Уайт элэфант», но в последнее время дела шли неважно. В Конго он улетел charterным рейсом на стареньком двухмоторном Ан-26 с украинским экипажем. Его кейс был в буквальном смысле набит долларами. Светлана сама помогала Бернару укладываться. Он уверял, что вся поездка займёт неделю, максимум дней десять.

– Другого выхода нет, – говорил он. Впрочем, она и сама знала, что если они не достанут денег, то виллу в белом предместье, землю и клуб кредиторы заберут за долги. Долгий и мучительный шлейф той истории, случившейся на Мадагаскаре...

Но прошла неделя, минули десять дней, затем пятнадцать, а Бернар всё не возвращался. Через три недели Светлана отправилась в фирму особых услуг «Экзекутив аут-камс». Сухопарый англосакс со шрамом на правой щеке толком даже не представился, пробормотав только, что он полковник. Светлана выложила последние деньги.

Через день ей перезвонили, и писклявый женский голос прошептал, что трое опытных сотрудников уже вылетели в Заир. А затем побежали невыносимые недели, заполненные страхами и мучительным ожиданием чуда.

Несколько дней назад Светлане позвонил сам полковник. Его люди вернулись из Заира, отработав все версии. Им удалось выяснить, что Бернар отправился в Северное Киву, которое контролируют антиправительственные повстанцы. Куда? Зачем? Этого они узнать не сумели.

Не знала ответов на эти вопросы и Светлана.

* * *

Дмитрий остановился в отеле «Шератон», благо командировочные позволяли. Через несколько месяцев в Намибию ожидался первый в истории визит президента России, и главный редактор попросил заранее подготовить серию очерков о стране и перспективах экономического сотрудничества.

– Дима, тебе не мешало бы проветриться и сменить обстановку, – сказал Владимир Павлович. Для многих сотрудников он был суровым и строгим главредом, а для него – старшим другом и наставником, который больше четверти века назад, ещё в советские времена, учил делать первые шаги в журналистике. Они поддерживали доверительные отношения, частенько вместе обедали, играли в шахматы, бывали друг у друга дома.

Дмитрий восхищался беспредельной работоспособностью шефа. Помимо руководства большим строптивым коллективом, главред сам, без обычных в таких случаях соавторов, а вернее, литературных негров каждый год выпускал по паре книжек. И каких! Их читали все, кто желал знать, что на самом деле происходило в мире. Дмитрию импонировал и патриотизм наставника – лишённый внешнего пафоса, но несгибаемо твёрдый и цельный, основанный на глубоком знании истории, культуры, психологии своего народа, богатом личном опыте. Раннее детство Владимира Павловича опалила Великая Отечественная. В бытность репортёром он побывал в самых отдалённых уголках Союза, и везде дотошно вникал в настроения и быт людей.

С первых дней появления Дмитрия в редакции шеф стал примером для подражания, хотя поначалу отношения не складывались. Активному молодому стажёру доставались одни взыскания, и он даже подумывал сменить место работы. Но постепенно всё наладилось. Владимир Павлович заметил и оценил рвение начинающего журналиста, его интерес к работе, стремление дойти до сути, желание постоянно совершенствоваться, не останавливаться в профессиональном росте. По прошествии нескольких лет, несмотря на большую разницу в возрасте, они стали хорошими друзьями. В огромном кабинете Владимира Павловича с видом на памятник Пушкину, заполненном книжными стеллажами и сувенирами со всего света, Дмитрий всегда был своим человеком.

– Намибия – очень любопытное место, тем более там ты ещё не бывал, – продолжал главный редактор. – Попутешествуй по стране, собери материал, пообщайся с людьми. Скоро по линии наших оборонщиков ожидаются внушительные контракты. Да и в энергетике есть интересные задумки. Нам это важно, ты же понимаешь. Напиши в своём стиле – весомо, грубо, зримо. Приведи побольше разных мнений. Да, и не забудь про пляжи, они там великолепные, особенно в Уолфиш-Бей. А материалы дадим поближе к визиту.

В Виндхук Дмитрий прилетел через Франк-фурт-на-Майне. Аэропорт и сама столица африканского государства ему сразу понравились – чистые и прямые улицы, проложенные с немецкой педантичностью, аккуратные домики и лишь несколько высотных зданий в самом центре.

Дмитрий взглянул на циферблат своего стильного, винтажного «Лонжина». Стрелки показывали почти семь часов вечера. Спустившись на бесшумном лифте в холл отеля, он подошёл к портье.

– Где посоветуете провести вечер? Я впервые в этой стране.

– В нашем отеле отличные рестораны и бары. А если хочется посмотреть на здешний бомонд, отправляйтесь в клуб «Уайт элевант», – расплылся в дружелюбной улыбке бородатый индус с напояженным пробором. – Там собираются все сливки. Даже сливки сливок. И совсем недалеко. На такси минут десять езды.

...Швейцар-намибиец приветливо распахнул дверь, и Дмитрий вошёл в клуб, наполненный ритмичной африканской музыкой. За столиками улыбались и курили загорелые, холёные европейцы, на сцене извивалась статная и чёрная как смола танцовщица.

Когда Дмитрий подошёл к бару и заказал двойной «Чёрный лейбл», у него вдруг кольнуло в сердце. Что-то необъяснимо знакомое и щемяще приятное показалось в силуэте женщины, сидевшей спиной к стойке. Такой родной изгиб плеч, такие памятные, ниспадающие волнами рыжие волосы. Женщина почувствовала долгий, пристальный взгляд и обернулась.

«Боже, да это же Света! В самом деле. Да быть этого не может», – ударило в голову Дмитрию.

Не обращая внимания на расплескавшийся виски, он невольно залюбовался большими зелёными глазами с едва заметным азиатским разрезом, и его лицо непроизвольно осветила улыбка. Дмитрий бросился к ней.

– Светлана!

– Митя! – В её голосе он услышал неподдельную радость. – Как ты здесь оказался?

– Я в Виндхукке по заданию редакции. Ты же знаешь, после института меня взяли в газету, и я до сих пор там работаю. Сейчас уже обозревателем и спецкором. Езжу по всему миру, но здесь ещё не был. Вот уж не мог себе вообразить, что ты заберёшься в такую глушь.

Они обнялись как старые, добрые друзья и сели за соседний столик. Помедлив, он положил руку на её длинные пальцы с ухоженными ногтями. Рука не отодвинулась.

Несколько минут они молчали, глядя друг другу в глаза. Оба узнавали знакомые чёрточки. Им казалось, что они ничуть не изменились со времён бурной молодости. Только, пожалуй, этой родинки на шее раньше не было и ещё этих тонюсеньких, трогательных морщинок у глаз, отмечал про себя Дмитрий. А Светлана, заметив пробивающуюся в его вороных кудрях седину, подумала, что она очень ему к лицу.

Точно испугавшись нахлынувших воспоминаний, хозяйка «Уайт элэфант» прервала молчание. Надо было с чего-нибудь начинать, и она сказала первое, что пришло на ум.

– Митя, попробуй мясо крокодила, оно нежирное, как курица, и нежное, как рыба. Требуется особого подхода и умения, но наш шеф-повар его неплохо готовит. Робби, – властно окликнула она. – Крокодилий стейк для этого джентльмена.

– Обязательно попробую, раз ты советуешь, – ответил он несколько рассеянно и, потупив глаза, продолжил: – Слушай, я, конечно, понимаю, для тебя эти воспоминания тяжелы и трагичны, но всё же... Я слышал, что Николай погиб на Мадагаскаре. Как это случилось? Может, расскажешь, хотя бы в общих чертах. Мы ведь когда-то были с ним друзьями. И, главное, куда ты делась потом? Я ведь искал тебя.

– А на Патриаршие, конечно, зайти постеснялся? – задала риторический вопрос Светлана. – Мама, между прочим, до сих пор живёт в Москве.

– Ты же знаешь, Нина Петровна меня никогда не жаловала, а уж после той истории... – Дмитрий закусил губу. – Да нет, я хотел. Много раз порывался позвонить, один раз даже набрал номер, но, как только услышал её голос, повесил трубку. Ничего не смог с собой поделатъ. Видишь, какой я стал стеснительный?

– Да, что-то совсем на тебя не похоже, – притворно озабоченно покачала головой Светлана. – А ведь мама полностью в курсе. Она и здесь была. Приезжает каждый год.

– А чего не переедет насовсем, что-то не устраивает? – поинтересовался Дмитрий.

– Отчего ж, всё устраивает, – пожала плечами Светлана. – Что тут может не нравиться? Яркое солнце, большая вилла, куча слуг... Но только вот побудет месячишко и засобирается. Надо, говорит, и честь знать, пора возвращаться домой. И я сколько раз уговаривала, и Бернар пробовал – всё без толку.

– И всё-таки, скажи, что стряслось с Николаем на Мадагаскаре? – попытался вновь навести на интересовавшую тему Дмитрий, услышав имя южноафриканского мужа. – Знакомые в МИДе разное болтали.

– Нет-нет, сейчас о Коле ничего не расскажу, – поникнув, едва слышно пробормотала она и несмело, просительно посмотрела в глаза. – Мне нужна твоя помощь, Митя. Понимаешь, я, видимо, приношу несчастья мужчинам, которые меня любят. Вот и мой второй муж, Бернар, попал в какую-то беду. Полетел в Киншасу и пропал. Я знаю только, что у него были дела с ливанцем по имени Абубакар. Он занимается в Конго драгоценными камнями. Ты ведь всегда был сильный и добрый. Вызволи Бернара или хотя бы найди его следы. Ты ведь можешь. Ну, пожалуйста, Митенька...

Официант почтительно поставил на стол большую тарелку с желтоватой крокодилятиной, на вид слегка напоминавшей филе палтуса. Но экзотическое блюдо долго оставалось нетронутым. Когда Дмитрий наконец обратил на него внимание, мясо, и впрямь оказавшееся очень нежным и похожим то ли на рыбу, то ли на цыплёнка, было совсем холодным.

Поздно ночью он подвёз Свету до дверей её виллы, расположенной неподалёку, в белом квартале Виндхука. На крыльце она обернулась, провела рукой по его упругим кудрям и быстро поцеловала в губы. Он почувствовал, как огонь мгновенно пробежал по телу. Всё было так же, как много лет назад в олимпийской Москве.

Глава 3

Киншаса

(Демократическая Республика Кото), 2008 год

Над бескрайним городом висело серое марево из туч, тумана и смога, сквозь которое не удавалось пробиться даже раскалённому африканскому солнцу. Липкая жара обволакивала тело, рубашка и джинсы быстро стали мокрыми от влажного и горячего, как в русской бане, воздуха.

Полтора десятилетия обширную страну раздирала гражданская война, но универсальные законы капитализма работали и в Африке. Если возникает дефицит, при желании всегда находится место, где можно достать нужный товар. Были бы деньги. Здесь таким местом стал рынок поблизости от деловой части столицы Демократической Республики Конго – Киншасы.

Плавное течение мыслей Дмитрия при виде гигантского людского муравейника прервал водитель такси.

– Наверняка вы в жизни не видели ничего подобного, – уныло заметил, взглянув на задумчивого пассажира в зеркало заднего обзора, Мартэн. Дмитрий уже понял, что темпераментом этот щуплый конголезец не отличается, но ему даже нравилась его флегматичность. Казалось, парня ничем нельзя было вывести из себя – качество, которое может пригодиться. Дмитрий вообще считал встречу с Мартэном своей первой удачей в Киншасе. обстоятельно поговорив с ним на стоянке, он уже строил в отношении таксиста далеко идущие планы. Впрочем, они легко могли пойти прахом, если сейчас Мартэн не приведёт, как обещал, к тому, на кого Дмитрий рассчитывал как на своего ключевого помощника.

Киншаса казалась нескончаемой неряшливой помойкой. Вот уже битый час Мартэн с черепашьей скоростью вёл старенький, побитый «Пежо» мимо убогих лачуг и груд отбросов. Порой машина плелась тише пешехода. На подъезде к рынку к драндулету подскочил здоровенный детина и на ходу ловко, прямо с запястья, сорвал с таксиста дешёвые пластмассовые часы. Сдержанно выругавшись, Мартэн припарковал машину у бордюра и как ни в чём не бывало повёл Дмитрия среди бьющего в нос зловония, хладнокровно отбиваясь от назойливых попрошаек.

Торжище расположилось на склоне холма у полноводной реки Конго. Рынок, похожий скорее на свалку с рядами палаток, растянулся на два километра вдоль грязной прибрежной дороги. В нижней его части, куда вело хитросплетение изогнутых узких проходов, крестьянки продавали овощи и фрукты. Чтобы салат и помидоры не испортились на солнце, их хранили в вырытых ямах, обложенных полиэтиленом и заполненных водой.

Чуть поодаль предлагали подержанную одежду бывшие в употреблении товары с броскими наклейками «Найк» и «Рибок», часы, косметику, разбитую мебель, микроволновые печи, ливанское печенье, десятикилограммовые банки бельгийских консервов. Рядом лежали ободранные, а порой и уже обжаренные туши обезьян и прочей лесной живности. Чтобы мартышек было удобнее нести, их длинный хвост обвязывали вокруг шеи, превращая в подобие чемодана. На каждом углу чумазые мальчишки совали прохожим разную дрянь, выклянчивая хоть что-нибудь.

Продвигаясь вглубь, к центру этого тёмного царства мимо лотков с засиженной мухами рыбой, Мартэн по пути объяснял, что на рынке можно приобрести ещё кое-что, не бросающееся в глаза: спутниковые тарелки, шотландский виски, наркотики.

– Если хотите, вы легко достанете себе женщину, а заодно и комнату, куда её можно привести, – не изменяя унылому тону, добавил Мартэн.

– Только этого мне и не хватало, – бросил в ответ Дмитрий.

Впереди осторожно пробиралась сквозь толпу хорошо одетая дама. Её сопровождали два солдата в форме. У каждого в руках висело по несколько сумок с покупками. Женщина явно была африканкой, но цвет её лица скорее

можно было назвать белым.

– Это наши богатые девки чуют, – пояснил таксист на вопрос Дмитрия. – Каждый день втирают особые отбеливающие кремы. Здесь, на рынке, они тоже продаются. Вон там, на холме.

– Это ещё зачем? – не понял Дмитрий.

– На вас, белых, хотят быть похожими, – не без издёвки единственный раз расцветил Мартэн свою блёклую речь саркастической интонацией. – Чем белее, тем проще выйти замуж за состоятельного человека. Только эта забава для богатых. Втирать надо годами, каждый день. Есть, конечно, и дешёвые кремы, но они опасные. Могут и отбелить, а могут и до смерти довести. Да-да. А вы как думали? Сколько случаев было. Вон хотя бы моя племянница Мирей. Мало её в детстве лупили. Нашим девкам все нипочём. Любое дерьмо скупают, если на нём написано, что заграничное и кожу отбеливает.

Навстречу прошла молодая католическая монашенка в девственно-белых одеждах.

«Хоть эта нормальная, – усмехнулся про себя Дмитрий. – Одежда белая, кожа чёрная. Всё как положено. Киншасский стандарт, драть его. Ещё бы погоду похолоднее, а то мозги окончательно распарятся».

Посреди рыночного хаоса восседали местные короли – продавцы аудио- и видеотехники. Японские DVD-плееры – ходкий товар, за который покупатели готовы заплатить солидную цену. Техника приносила несравненно более высокую прибыль, чем бобы и фасоль. Неподалёку, в окружении набежавшей толпы, в зажигательном ритме заирской румбы исполняла стриптиз грудастая карлица. Затаив дыхание, зрители следили за темпераментным шоу.

Хотя Дмитрий специально не готовился к поездке в Демократическую Республику Конго, но, как политический обозреватель, следил за бурными событиями, постоянно сотрясавшими эту многострадальную землю. Он знал, что рынок – едва ли не самое благополучное место в сказочно богатой ресурсами стране, в которой жизнь из-за войны превратилась в ад. Алмазы, медь, никель, кобальт, колтан, красное и чёрное дерево, которыми богат бассейн полноводной реки Конго, высоко котировались на мировом рынке. На вырученную за

минералы и лес валюту полевые командиры покупали оружие. И не только стрелковое. Дмитрию говорили, что у партизан есть даже бронетранспортёры, ракетные установки, дальнобойные орудия. В основном советского образца. Их поставляли из восточноевропейских арсеналов, доставшихся в наследство от Варшавского договора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/ivanov_ivan/deti-imperii

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)